

СЛАВИСТИКА
XXI/1-2

СЛАВИСТИЧКО ДРУШТВО СРБИЈЕ
ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ У БЕОГРАДУ

СЛАВИСТИКА

SERBIAN ASSOCIATION FOR SLAVIC STUDIES
UNIVERSITY OF BELGRADE FACULTY OF PHILOLOGY

SLAVIC STUDIES

Покренут 1997. године

Главни уредници:

Од 1. до 15. књиге др Богољуб Станковић (оснивач часописа)

Од 16. до 20. књиге др Петар Буњак

Од 21. књиге др Људмила Поповић

Уређивачки одбор:

Др Дејан Ајдачић (Кијев), др Ирина Антанасијевић, др Адриан Баренцен
(Амстердам), др Марта Бјелетић, др Петар Буњак, др Андриј Даниленко
(Њујорк), др Рајна Драгићевић, др Андреа Желе (Љубљана), др Јелена Иванова
(Санкт Петербург), др Ксенија Кончаревић, др Александра Корда-Петровић,
др Јаромир Линда, др Биљана Марић, др Михаел Мозер (Беч), др Мотоки
Номаћи (Сапоро), др Борис Норман (Минск), др Руселина Ницолова (Софија),
др Иво Поспишил (Брно), др Вучина Раичевић, др Каролина Скварска (Праг),
др Марија Стефановић, др Срето Танасић, др Бранко Тошовић (Грац),
дописни члан НАНУ Анатолиј Захњитко (Кијев),
академик САНУ Предраг Пипер

Главни уредник
др ЉУДМИЛА ПОПОВИЋ

Секретар редакције
мр Срђан Петровић

ISSN 1450-5061

UDC 811.16+821.16

Славистика

књ. XXI, св. 1–2

www.slavistickodrustvo.org.rs/slavistika/

Београд 2017

СЛАВИСТИЧКО ДРУШТВО СРБИЈЕ
ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ У БЕОГРАДУ

SERBIAN ASSOCIATION FOR SLAVIC STUDIES
UNIVERSITY OF BELGRADE FACULTY OF PHILOLOGY

СЛАВИСТИКА
SLAVIC STUDIES

XXI, св.1–2

ИМПРЕСУМ

Издаје

Славистичко друштво Србије, Београд, Студентски трг 3
Филолошки факултет Универзитета у Београду, Београд, Студентски трг 3

УДК класификација прилога:

Ана Голубовић

Припрема за штампу:

Душко Ћосић

Штампа:

„Графичар“, Севојно

Издавање ове књиге финансијски је подржало

Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије

*Ова књига „Славистике“ посвећује се професору Миодрагу Сибиновићу
поводом 80 година његовог живота*

САДРЖАЈ – CONTENTS – СОДЕРЖАНИЕ

Људмила Поповић, Поводом 80 година живота професора Миодрага Сибиновића	15–23
Ксенија Кончаревић, Проф. др Миодраг Сибиновић, добитник награде Радован Коштутић“ (2016) за животно дело и две референтне монографије	24–29
Андрей Базилевский, Юбилей Миодрага Сибиновича.	30–33
Ана Голубовић, Ана Јаковљевић Радуновић, Селективна библиографија радова професора Миодрага Сибиновића	34–57

СТУДИЈЕ И РАСПРАВЕ

Ксенија Кончаревић, Помесни сабор РПЦ 1917-18. године и потоња судбина црквенословенског језика у Русији и ареалу <i>Pax Slavia Orthodoxa</i>	58–64
Игорь Матей, Ольга Загоровская, О семантической многоплановости терминов православия в русском языке.	65–72
Елена Иванова, Анастасия Данилова, Болгарский союз <i>ни(то) . . . ни(то)</i> и его русские параллели	73–81
Светла Рускова Ђермановић, Аорист у јужнословенским језицима (са освртом на бугарски и српски).	82–88
Светлана Голяк, Образная концептуализация безумия в русской, белорусской и сербской фразеологии.	89–105
Дејан Ајдачић, Поређење српских и пољских фразеологизама са одређењем особености говора	106–111
Грина Гарбера, Інфонологічний етап проектування лінгвістичної бази даних. «Концепт 'людина' у фразеології східноstepових говірок»	112–118
Нелли Красовская, Составные названия растений в русских говорах	119–123
Јулија Шапић, О просторним фрагментизаторима у руском језику	124–130
Јелена Недић, Прилози у изражавању квантификације предиката у руском и српском језику	131–139
Сања Милићевић, О неким синтаксичким и семантичким карактеристикама обраћања у руском језику	140–147
Marina Hříbová, Slovenské nárečia v Srbsku v 21. storočí – perspektívy ich vývinu a fungovania	148–154
Јанко Рамач, Граматика русинског језика Хавријила Костельника и њена рецепција у периоду између два светска рата.	155–161
Александар Мудри, Назви житаркох при войвођанских Руснацох	162–168
Pavel Krejčí, Toponymické komponenty s příznakem kritiky, posměchu, ironie v české, srbské a bulharské frazeologii	169–175
Драгана Радојчић, Лексеме <i>хлеб, соль, каша</i> у пословицама и изрекама (руско-српска паралела)	176–181

Светлана Терзић, Облик суперлатива <i>высший</i> у саставу устаљених израза у руском и српском језику.	182–189
Сања Коларевић, Лексеме <i>леви</i> и <i>десни</i> у асоцијативним речницима српског и руског језика	190–197
Мария Вереитинова, Представленность актуализированной паронимической лексики в современном русском и сербском языках (на примере прилагательных)	198–201
Валентина Кузьменкова, Отражение специфики этнической языковой картины мира в русской классической литературе	202–208
Екатерина Волкова, Компаративна анализа пословица и фразеологизама прехранбене тематике у српском и руском језику	209–215
Татьяна Кадоло, Процесс нормализации в области городской номинации	216–220
Вучина Раичевић, О предусловима успешног функционисања система наставе странаг језика	221–228
Маријана Папрић, О лингвистичким аспектима наставе руског језика струке	229–237
Михаил Штудинер, Проблема вариантности в преподавании русского языка как иностранного	238–243
Ольга Трапезникова, Унификация древних типов склонения и становление современной системы падежных флексий имен существительных в русском и сербском языках.	244–251
Елена Пахомова, Унификация форм существительных мужского рода консонантного склонения с основами на *N, *Г и *I-склонения в древнерусской письменности	252–260
Снежана Јелесијевић, Аутографи јеромонаха Пахомија Србина у рукопису Тројице-Сергијеве Лавре 753	261–268
Павел Трибунский, Общество содействия славистике (1917 – начало 1920-х гг.)	271–285
Бобан Ђурић, Гостовања Игора Северјанина у Београду (1930, 1931. и 1933. године)	286–297
Даворка Маравић, Осврт на двије комедије: <i>Зојкин стан</i> М. Булгакова и <i>Нови стан</i> Г. Булгакова	298–302
Свјетлана Комленовић, Ана Ахматова. Историја једне пародије.	303–309
Александра Корда-Петровић, Непозната Милена Јесенска	310–316
Юлија Драгойлович, Паратекстуални код у художњој прози Ирени Карпи (II)	317–325
Антон Карин, Т. Г. Шевченко и галицкије русофили	326–335
Александр Шунков, Роман Николе Инджова <i>По следам норвежца: по-иск пути</i>	336–344
Adam Svetlák, Román <i>Tantalópolis</i> Petra Maczovszkého v kontexte jeho prozaické tvorby.	345–350
Zuzana Čížiková, K prekladom v časopise pre deti <i>Naši Pionieri/Pionieri</i> v období 1960–1980.	351–355
Marína Šimáková Speváková, Súčasná slovenská poetka Veronika Dianišková	356–360
Marta Součková, K prozaické tvorbe Ondreja Štefaníka.	361–365
Ана Жикић, Други поглед на штуровску генерацију у драми Јане Јурањове	366–373
Daniela Marčoková, Jarmila Hodoličová, Ľudová slovesnosť v čítan- kách slovenského jazyka pre prvý a druhý ročník základnej školy v Srbsku	374–379

ПРИЛОЗИ И ГРАЂА

Далибор Соколовић, Спољашња историја језика као сегмент еколингвистичког описа лужичкосрпске језичке заједнице	380–389
Анжела Прохорова, Лингвокултурологема <i>дурак</i> и њен еквивалент у српском језику.	390–396
Ивана Кочевски, Над <i>Стубом куге</i> Јарослава Сајферта.	397–403
Теодора Воркапић, Дијана Тепавчевић, Марија Кувекаловић, Фризерски и козметичарски жаргон у српском језику	404–417
Емил Зороњић, Тијана Митровић, Милица Цар, Политички жаргон у српском језику	418–440

ПРИКАЗИ

Срето Танасић, Допринос јапанских лингвиста српској филологији.	441–443
Срђан Петровић, <i>Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа: зборник научних радова</i> . Ур. Стана Ристић, Ивана Лазић Коњик, Ненад Ивановић. Београд: Институт за српски језик САНУ, Чигоја штампа, 2016 – 577 стр.	444–453
Анатолиј Загнітко, Жанна Краснобаева-Чорна, А. А. Кретов, О. М. Воевудская, И. А. Меркулова, В. Т. Титов. <i>Единство Европы по данным лексики</i> . Воронеж: Воронежский государственный университет Издательский дом ВГУ, 2016 – 412 с.	454–456
Marína Hribová, Ján Doruľa, Peter Žeňuch. <i>Ján Stanislav a slovenská slavistika</i> . Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV a Slovenský komitét slavistov, 2016 – 272 s.	457–459
Светлана Гољак, Дејан Ајдачић. <i>Словославија. Етнолингвистика и поредбена фразеологија</i> . Београд: Алма, 2017 – 250 стр.	460–462
Драгана Савин, Ксенија Кончаревић, Слободанка Перкучин, Марија Марковић, Митра Релић. <i>Историја руског књижевног језика (црквено-словенско-руска преплитања)</i> . Београд: Јасен, 2016 – 213 стр.	463–467
Срето Танасић, Монографија о акционалности у савременом српском и украјинском језику	468–471
Милена Ивановић, Ольга Заневич. <i>Українська мова XVI-XVII століть: дієслово. Семантика, перехідність, об'єкт</i> . Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2015 – 307 ст.	472–475
Тања Гаев, Joanna Getka. <i>Prosta mowa końca XVIII wieku. Język „Nauk parafialnych” (Początek 1794)</i> . Warszawa : Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2012 – 315 s.	476–478
Миленка Костић, Andrii Danylenko. <i>From the Bible to Shakespeare: Pantelejmon Kuliš (1819–97) and the formation of literary Ukrainian</i> . Boston: Academic Studies Press, 2016 – 447 p.	479–481
Бранислава Стојановић, Мирослав Топић, Петар Буњак. <i>Укритања и паралеле: о пољским преводима српске народне поезије</i> . Београд: ЕАТ – Eco Art & Theory, 2015 – 141 стр.	482–483
Дејан Ајдачић, Ewelina Drzewiecka. <i>Herezja Judasza w kulturze (po)nowoczesnej</i> . Studium przypadku, Kraków, 2016 – 410 s.	484–486
Зорана Перић, Hanna Makurôt. <i>Gramatika kaszëbszczégò jãzëka</i> . Gdańsk: Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie, 2016 – 176 s.	487–488

ХРОНИКА

Анжела Прохорова, Ксенија Кончаревић, Проф. др Витомир Вулетић, добитник награде „Радован Кошутић“ (2016) за животно дело . . .	489–490
Одлука Одбора за доделу награде „Павле и Милка Ивић“ за 2016. годину . . .	491–494
Александра Ушакова, Светлана Шишкина, Сербски јазык в Тюмени: сотрудничество и перспективы	495–499
Александра Корда-Петровић, Међународни славистички скуп у Скопљу (Скопље, 15–16. јун 2017).	500–501
Срђан Петровић, LV скуп слависта Србије (Београд, 30–31. јануар 2017). . .	502–507
Миленка Костић, Међународна научна конференција <i>Украјинистика и словенски свет. Поводом 25 година украјинистичких студија на Универзитету у Београду</i> (Београд, 17–19. новембар 2016).	508–510

БИБЛИОГРАФИЈА

Ана Голубовић, Стефан Милошевић, Библиографија часописа <i>Славистика</i> I (1997) – XX (2016)	511–618
--	---------

РЕГИСТРИ КЊ. XXI

РЕГИСТАР КЉУЧНИХ РЕЧИ	619–622
Сарадници у књизи XXI (1–2) часописа <i>Славистика</i>	623–629
Упутства за припрему рукописа за штампу.	630–644
Рецензенти приспелих радова за књигу XXI (1–2) часописа <i>Славистика</i>	645–646

SADRŽAJ – CONTENTS – СОДЕРЖАНИЕ

Ljudmila Popović On the Occasion of 80 th Birthday of Miodrag Sibinović	15–23
Ksenija Končarević, Miodrag Sibinović, the winner of the “Radovan Košutić” Award for life achievement and two reference monographies (2016). . . .	24–29
Andrei Bazilevski, Anniversary of Miodrag Sibinović	30–33
Ana Golubović, Ana Jakovljević-Radunović, Selective Bibliography of Miodrag Sibinović.	34–57

STUDIJE I RASPRAVE – ARTICLES AND TREATISES

Ksenija Končarević, The Local Council of the Russian Orthodox Church in 1917-1918 and the subsequent fate of the Church Slavonic language in Russia and the <i>Pax Slavia Orthodoxa</i> areal	58–64
Igor Matey, Olga Zagorovskaya, On the semantic complexity of Orthodox terms in the Russian language.	65–72
Jelena Ivanova, Anastasija Danilova, The Bulgarian conjunction <i>ни(мо)...</i> <i>ни(мо)</i> and its Russian equivalents.	73–81
Svetla Ruskova Đermanović, The aorist in South Slavic languages (a study of Serbian and Bulgarian)	82–88
Svetlana Goljak, An illustrative conceptualization of foolishness in the Russian, Bulgarian and Serbian languages.	89–105
Dejan Ajdačić, A comparative study of Serbian and Polish phrasemes with indications to the peculiarities of speech	106–111
Irina Garbera, The infological stage in the construction of a linguistic data base. “Concept “Person” in the phraseology of the Ukrainian eastern-steppe dialects”	112–118
Neli Krasovskaya, Compound plant names in Russian dialects	119–123
Julija Šapić, On spatial fragmentizers in the Russian language	124–130
Jelena Nedić, Adverbs as a means of expressing predicate quantification in Russian and Serbian	131–139
Sanja Milićević, On certain syntactical and semantic features of forms of address in the Russian language	140–147
Marina Hrib, Slovak dialects in Serbia in the 21 st century – future development and functioning.	148–154
Janko Ramač, The grammar of the Ruthenian language by Havrijil Kosteljnik and its reception in the period between two world wars	155–161
Aleksandar Mudri, Ruthenian names for cereal crops with in Voivodina	162–168
Pavel Krejči, Toponymic components with elements of criticism, ridicule and irony in Czech, Serbian and Bulgarian phraseology.	169–175
Dragana Radojčić, The lexemes <i>хлеб</i> , <i>соль</i> , <i>каша</i> in proverbs and sayings (Russian and Serbian parallels)	176–181

Svetlana Terzić, The <i>высший</i> superlative form as a component part of fixed expressions in Russian and Serbian	182–189
Sanja Kolarević, The lexemes <i>left</i> and <i>right</i> in associative dictionaries of the Serbian and Russian languages.	190–197
Marija Vereitinova, The frequency of actualized paronym lexis in modern Russian compared to Serbian (the example of adjectives).	198–201
Valentina Kuzmenkova, The specificities of the ethnic linguistic worldview in classical Russian literature.	202–208
Ekaterina Volkova, A comparative analysis of proverbs and idioms related to food in Serbian and Russian.	209–215
Tatjana Kadolo, The process of normalization in the field of urban nomination	216–220
Vučina Raičević, On the preconditions for a successful foreign language teaching system	221–228
Marijana Paprić, On the linguistic aspects of business Russian language teaching	229–237
Mihail Študiner, The problem of variants in the teaching of Russian as a foreign language.	238–243
Olga Trapeznjikova, The unification of old types of declension and the establishment of the modern system of case inflection of nouns in Russian and Serbian	244–251
Jelena Pahomova, The unification of forms of masculine nouns of the consonant declension with *N, *T and *I stems in Old Russian writing	252–260
Snežana Jelisijević, The Autographs of Hieromonk Pachomius the Serb in the manuscripts of the Holy Trinity-St. Sergius Lavra 753	261–270
Pavel Tribunski, Society for the Advancement of Slavonic Study (1917 – early 1920).	271–285
Boban Čurić, The visits of Igor Severyanin to Belgrade (1930, 1931 and 1933)	286–297
Davorika Maravić, A closer look at two comedies <i>Zojka's apartment</i> by M. A. Bulgakov and <i>New apartment</i> by G. K. Bulgakov	298–302
Svjatlana Komlenović, Ana Akhmatova. The story of one parody	303–309
Aleksandra Korda Petrović, Unknown Milena Jesenska	310–316
Julija Dragojlović, Paratextual code in the literary prose of Irena Karpa (II)	317–325
Anton Karin, T. G. Shevchenko and the Gallician Russophiles	326–335
Aleksandar Šunkov, The novel of Nikola Inzhov <i>Tracking the Norwegian: looking for the way</i>	336–344
Adam Svetlik, The novel <i>Tantalopolis</i> by Peter Macsovszky in the context of his prose writings.	345–350
Zuzana Čížikova, On the translations in the magazine for children <i>Our Pioneers/Pioneers</i> between 1960 and 1980	351–355
Marina Šimak Spevakova, Veronika Dianišková a contemporary Slovak poet.	356–360
Marta Součková, On the fiction of Ondrej Štefánik.	361–365
Ana Žikić, Another look at Štur's generation in the play by Jana Juranova	366–373
Daniela Marčok, Jarmila Hodolič, Folk literature in Slovak language textbooks for the first and second grade of elementary school in Serbia	374–379

PRILOZI I GRAĐA – CONTRIBUTIONS AND MATERIALS

Dalibor Sokolović, The external history of language as a part of the ecolinguistic description of the Lusatian Sorb linguistic community	380–389
Anžela Prohорова, The linguocultureme <i>дурак</i> and its equivalent in the Serbian language	390–396
Ivana Kočevski, On Jaroslav Seifert's "The plague pillar"	399–403

Teodora Vorkapić, Dijana Tepavčević, Marija Kuvekalović: Hair stylist and cosmetologist jargon in the Serbian language.	404–417
Emil Zoronjić, Tijana Mitrović, Milica Car: Political jargon in the Serbian language.	418–440

PRIKAZI – REVIEWS

Sreto Tanasić, <i>Contribution of Japanese Slavists to Serbian philology</i>	441–443
Srdjan Petrović, <i>Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа: зборник научних радова</i> . Ур. Стана Ристић, Ивана Лазић Коњик, Ненад Ивановић. Београд: Институт за српски језик САНУ, Чигоја штампа, 2016 – 577 стр.	444–453
Anatolii Zahnitko, Zhanna Krasnobajeva-Chorna, A. A. Кретов, О. М. Воевудская, И. А. Меркулова, В. Т. Титов. <i>Единство Европы по данным лексики</i> . Воронеж: Воронежский государственный университет Издательский дом ВГУ, 2016 – 412 с.	454–456
Marina Hrib, Ján Doruľa, Peter Žeňuch. <i>Ján Stanislav a slovenská slavistika</i> . Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV a Slovenský komitét slavistov, 2016 – 272 s.	457–459
Svetlana Golyak, Дејан Ајдачић. <i>Словославија. Етнолингвистика и поредбена фразеологија</i> . Београд: Алма, 2017 – 250 стр.	460–462
Dragana Savin, Ксенија Кончаревић, Слободанка Перкучин, Марија Марковић, Митра Релић. <i>Историја руског књижевног језика (црквено-словенско-руска преплитања)</i> . Београд: Јасен, 2016 – 213 стр.	463–467
Sreto Tanasić, A monograph on the actionality in contemporary Serbian and Ukrainian language.	468–470
Milena Ivanović, Ольга Заневич. <i>Українська мова XVI-XVII століть: дієслово. Семантика, перехідність, об'єкт</i> . Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2015 – 307 ст.	471–475
Tanja Gaev, Joanna Getka, <i>Prosta mowa końca XVIII wieku. Język „Nauk parafialnych” (Początek 1794)</i> . Warszawa : Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2012 – 315 s.	476–478
Milenka Kostić, Andrii Danylenko. <i>From the Bible to Shakespeare: Pantelejmon Kuliš (1819–97) and the formation of literary Ukrainian</i> . Boston: Academic Studies Press, 2016 – 447 p.	479–481
Branislava Stojanović, Мирослав Топић, Петар Буњак. <i>Укритања и паралеле: о польским преводима српске народне поезије</i> . Београд: ЕАТ – Eco Art & Theory, 2015 – 141 стр.	482–483
Dejan Ajdačić, Ewelina Drzewiecka. <i>Herezja Judasza w kulturze (po)nowoczesnej</i> . Studium przypadku, Kraków, 2016 – 410 s.	484–486
Zorana Perić, Hanna Makūrōt. <i>Gramatika kaszëbschégò jãzëka</i> . Gdańsk: Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie, 2016 – 176 s.	487–488

HRONIKA – CHRONICLES

Anžela Prohorova, Ksenija Končarević, Vitomir Vuletić, the winner of the “Radovan Košutić” Award for life achievement.	489–490
The 2016 “Pavle and Milka Ivić” Award Jury Decision	491–494
Aleksandra Ushakova, Svetlana Shishkina, The Serbian Language in Tyumen: cooperation and future perspectives.	495–499

Aleksandra Korda, International Slavic Studies Conference in Skopje (Skopje, 15 – 16 June 2017)	500–501
Srđan Petrović, 55 th Conference of Serbian Slavists (Belgrade, 30 – 31 January 2017)	502–507
Milenka Kostić, International Scientific Conference <i>Ukrainian Studies and the Slavic World</i> , on the occasion of the 25 th anniversary of Ukrainian Studies at the University of Belgrade (Belgrade, 17 – 19 November 2016)	508–510

BIBLIOGRAFIJA – BIBLIOGRAPHY

Ana Golubović, Stefan Milošević, Bibliography of <i>Slavic Studies</i> (1997 – 2017).	511–618
---	---------

REGISTERS OF VOL. XXI (1-2)

REGISTER OF KEY WORDS	619–622
List of contributors.	623–629
Instructions for authors	630–644
Reviewers	645–646

ОБРАЗНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ БЕЗУМИЯ В РУССКОЙ, БЕЛОРУССКОЙ И СЕРБСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В работе рассмотрены русские, белорусские и сербские устойчивые сравнения и фразеологизмы-метафоры, обозначающие ментальные отклонения. Анализировались как литературные обороты, так и материал диалектов, жаргона. Охарактеризованы образные модели фразеологизмов со значением безумия, общие для трех исследуемых языков. Лингвокультурологический анализ оборотов выявил их связь с древнейшими народными представлениями об устройстве мира.

Ключевые слова: фразеология, лингвокультурология, фразеологическая (образная) модель, семантика.

The study examines similes and metaphorical idioms denoting mental deviations in Russian, Belorussian and Serbian. Literary works are analyzed together with the dialectal and jargon material. Figurative models of phraseological units with the meaning of insanity, common for the three examined languages, are described and characterized. The linguistic and cultural analysis of idioms revealed their connection with the people's earliest ideas about the universe.

Key words: phraseology, linguoculturology, phraseological (figurative) model, semantics.

1. Целью данной работы было рассмотрение фразеологизмов со значением безумия и сумасшествия (обозначений человека, его действий и поступков, оцениваемых подобным образом) в русском, белорусском и сербском языках, а также лингвокультурологическая интерпретация данных оборотов, позволяющая выявить, как в народной («наивной») картине мира воспринимается и объясняется такое явление, как безумие.

Источниками материала являлись как литературные фразеологические словари, так и словари диалектной фразеологии, сборники устойчивых сравнений (список источников с условными сокращениями указан в конце работы). Из источников методом сплошной выборки были отобраны следующие единицы трех исследуемых языков: 1) обороты (как правило, сравнительные), которые включают лексемы, обозначающие сумасшедшего человека: *бежать как ненормальный; кричать как невменяемый* и т.д.; 2) фразеологизмы со значением сумасшедшего человека, безумного поведения и т.п.: например, *не все дома у кого-л.; как белены объелся*.

Лексика и фразеология со значением безумия служила объектом анализа многих авторов, сделавших важные заключения о восприятии и толковании данного явления человеком. Тема безумия являлась предметом историко-этимологических исследований (см., например, Мокиенко 2007, Турилова 2010); рассматривалась представителями московской лингвокультурологической школы под руководством В.Н. Телия. Выявляя культурные слои в устойчивых оборотах, авторы указали на отражение во фразеологических образах безумия древней-

ших мифологических представлений и базовых оппозиций. Так, В.В. Красных пишет о «мифологическом представлении об уме как некоем внутреннем мыслительном пространстве, присущем каждому человеку от рождения», а также о противопоставлении мира-хаоса и цельности человека как идее здоровья, т.е. о восприятии здорового человека как «целого» (ср. *ис-цел-ить*, *цел-итель*) (БФС: 87). Нарушение этого пространства и цельности ассоциировалось с болезнью.

Обращение к фразеологическому материалу для исследования концептов является вполне закономерным. Поскольку содержательные особенности концептов отражены в сочетаемости слов, фразеологизмы, как обороты с закрепленной сочетаемостью, могут рассматриваться как единицы, «отбирающие и фиксирующие [...] наиболее важные, с точки зрения данной лингвокультурной общности, признаки концепта» (Опарина 1999: 41).

Тема безумия рассматривалась и представителями московской школы «Логический анализ языка» (Зализняк 1999, Ермакова 2003 и др.). Отдельно следует упомянуть работу В.А. Плуногяна и Е.В. Рахилиной, где проведен тонкий семантический анализ прилагательных *безумный* и *сумасшедший* и установлены различия в их значении, на основании анализа особенностей сочетаемости данных лексем. Наряду с общим компонентом 'утративший способность нормально мыслить', эти слова отражают различные следствия, связываемые говорящим с потерей разума. Авторы справедливо пишут: «В случае с прилагательным *безумный* имеется в виду такая утрата разума, вследствие которой субъект оказывается недоступен «обычному», рациональному восприятию: он выходит за рамки нормального, как бы перерастает их... Безумие – неуправляемая, неконтролируемая стихия; оно уводит человека из нормального мира и в некотором смысле возвышает над ним (характерно представление о высоком, священном, поэтическом безумии...)» (Плуногян 1993: 121). В этом плане авторы сопоставляют внутреннюю форму прилагательных *безумный* и *безмерный* (= 'недоступный измерению, превосходящий меру'), указывая, что «в обоих случаях префикс без- порождает дополнительный семантический элемент 'выход за рамки X..., разрушающий X'» (Плуногян 1993: 121). С другой стороны, лексему *сумасшедший* В.А. Плуногян и Е.В. Рахилина связывают с такой утратой разума, «для которой характерны скорее внешние проявления, и прежде всего отсутствие способности разумно управлять своим телом. Для образа сумасшедшего, кроме того, существенна идея повышенной активности; таким образом, общее представление, стоящее за этим словом, – отнюдь не пугающая иррациональная бездна, а шумная и бестолковая сцена (настоящий сумасшедший дом), где доминируют бесцельные и беспорядочные движения в быстром темпе» (Плуногян 1993: 121).

Во фразеологии выражены обе указанные идеи, составляющие суть восприятия таких явлений, как безумие и сумасшествие.

Тема безумия затрагивалась нами в работах, выполненных на материале литературных фразеологизмов русского, белорусского и сербского языков (см. Голяк 2015, 2016). В данной работе привлечен и широкий диалектный материал, а также частично жаргон, с целью верификации и дополнения выводов. Использование актуального материала (обороты, активно употребляемых в последние десятилетия) служило цели выявить новые представления о безумии и сумасшествии, если таковые имеются.

2. Образные выражения со значением сумасшествия разделяются на сравнительные обороты и фразеологизмы-метафоры. Большинство устойчивых сравнений имеет нераспространенную структуру и выражает прежде всего идею отсутствия контроля внешних проявлений. Данные сравнения прямо указывают на то, какие характеристики поведения человека обуславливают вынесение его другими членами социума за пределы нормы, приемлемого поведения в обществе.

В трех исследуемых языках в эталонной части сравнений (после союза *как*) выступают различные слова, обозначающие сумасшедшего человека. Анализ словарей выявил достаточно большое число подобных лексем и высокую степень их варьирования, т.е. взаимозаменяемости в составе оборотов (см. таблицу 1). При этом наблюдаются некоторые отличия семантического объема и фразеологической активности сербской лексемы *луд* по сравнению с русскими и белорусскими аналогами.

Таблица 1

русский	белорусский	сербский
<...> как ненормальный; помешанный; как безумный, безумец; обезумевший; невменяемый; сумасшедший; псих; полоумный; ошалелый; обалделый; чокнутый; бесноватый и др.	< > як шалёны; звар'яцелы; як памешаны; адурэлы; апантаны; ачумелы; ачмурэлы	< > као луд, лудак, као блесав, као суманут, нездрав, махнит, помахнитао

Среди данных сравнений имеются, с одной стороны, обороты, служащие общей оценкой поведения человека, и, с другой стороны, выражения с более конкретным значением, обозначающие определенную черту поведения, связываемую с безумием.

Сравнения-общие характеристики имеют достаточно широкое значение, один из компонентов которого реализуется в конкретном контексте. Ср. описание значения оборотов в словарях: рус. *как безумный* 'о ведущем себя странно, возбужденно, путанно и причудливо человеке' (Мок.: 29); рус. *как ненормальный* 'о ведущем себя странно, возбужденно, путанно и непрактично человеке' (Мок.: 279); бел. диал. *ходзіць як памешаны* 'пра чалавека, які паводзіць сябе неадпаведна, дзіўна' (Пар.: 301); бел. диал. *ходзіць як збізумелы* 'паводзіць сябе неразумна, нагадваць вар'ята' (Пар.: 164). Сербская лексема *луд* имеет исключительно широкое значение, по данным РСАНУ: только в литературном языке здесь выделяется 6 переносных значений, и в рамках этих значений – 20 смысловых оттенков, которые, как указано в словарных иллюстрациях, реализуются и в сравнительных конструкциях (РСАНУ XI: 600–602). Широкий семантический объем лексемы *луд* связан с непроизводностью ее структуры (ср.

морфемные дериваты рус. *безумный*, бел. *звар'яцелы* или рус. *сумасшедший*, образованное словосложением).

Большинство сравнений, в силу специфики структуры и образности, эксплицитно выражают одну из черт, интерпретируемых как проявление сумасшествия. Как правило, *tertium comparationis* указывает на движение человека (хаотичное, неконтролируемое и т.д.), речь или смех (крик; путаную речь; неконтролируемый смех); см. примеры в таблице 2; значение оборотов указано только в первом столбике для русских примеров с целью экономии места; значение белорусских и сербских сравнений аналогичное.

Таблица 2

	русский	белорусский	сербский
Движение	<i>бежать (мчаться, носиться, летать, врываться) как безумный</i> – неодобр. ‘об очень быстро, стремительно и хаотично двигающемся куда-л. или откуда-л. человеке, животном или транспорте’ (Мок.: 29)	<i>бегаць, гайсаць як шалёны, як адурэлы, як апантаны; ляціць як ашалелы; лётаць, насіцца як ашашоны (звар'яцелы)</i> (Пар.: 29, 32, 467)	<i>јурити као луд, јурити као суманут, мотати се као луд</i> (Menac: 622, 724)
Речь, крик; смех	<i>повторять (твердить) что как безумный</i> ‘о чьем-л. возбужденном, беспокойном и упорном повторении одного и того же’ (Мок.: 30); <i>кричать (орать, вопить) как безумный</i> (Мок.: 30); <i>хохотать (смеяться) как безумный</i> – неодобр. ‘о чьем-л. диком, оглушительном, безудержном и истеричном хохоте, смехе’ (Мок.: 30)	<i>драць горла, палянтаваць як шалёны; крычаць як аглашоны, як апантаны</i> (Пар.: 467, 36, 32)	<i>виче као луд</i> (Разг.: 74); <i>драти се, урлати као луд; смејати се као луд на брашно</i> (PMS: 655; Оташ.: 358)

Показательно, что к указанным сравнениям во многих случаях существуют параллели с лексемами *бес*, *дьявол* и т.п., ср.: рус. *носиться (бегать, летать, мчаться, метаться) как бес / бесом / как дьявол / как демон* (Мок: 30; 32; 96); бел. *ляціць як чорт з пекла* (Янк.: 99). Это отражает народное восприятие безумия как болезни, вызванной нечистыми силами: ср. также рус. *будто бес / дьявол вселился в кого* (Мок: 31); серб. <као да> *ђаво је ушао (некоме) у главу*

‘вести себя ненормально, не быть нормальным, быть не в себе’ (Оташ.: 210). Кроме того, использование подобных образов вносит моральную оценку (ср., например, бел. *танцаваць бо тые нечыстыя* ‘о современных танцах, темп и фигуры которых непонятны старшему поколению’ (Пар., 292), где образ нечистой силы используется для нравственной оценки молодежи).

Реже сравнения с исследуемыми компонентами используются для оценки работы человека (пример в сербском материале: *радити као луд* «работать как сумасшедший»), или описывают взгляд человека, напоминающий безумный (примеры в русских источниках: *смотреть как ошалелый* (Мок.: 29); *глядеть, смотреть на кого, что как безумный* книжн. неодобр. ‘о чьем-л. крайне возбужденном, беспокойном и отрешенном взгляде на кого-л., что-л.’).

Только в сербском материале лексема *луд* ‘сумасшедший’ выступает в первой части сравнения, отражающего современный образ электричества и его неконтролируемости: *луд као струја* ‘сумасшедший, как электрический ток’ (фиксация в живой речи), тогда как слова рус. *безумный, сумасшедший*, бел. *вар’яцкі, шалёны* и т.д. не выступают в составе сравнений в качестве *tertium comparationis*, что, как уже отмечалось, связано как с их словообразовательными особенностями (производность, многосложная структура), так и с семантическими характеристиками (проявление признака в крайней степени; меньший объем семантического потенциала). В русских и белорусских оборотах современный мотив электричества и скорости его передачи отражен в образе электровеника: подобные выражения обычно используются для обозначения не собственно безумца, а человека,двигающегося быстро и выполняющего много дел одновременно, что вызывает насмешку, т.е. оценивается как некоторое отклонение от нормы: бел. *як электравенік* насмешл. ‘пра вельмі жвавага, шустрада чалавека’ (Пар.: 477).

Во всех трех рассматриваемых языках лексемы со значением безумия и соответствующие обороты развивают переносное значение проявления чего-л. в крайней степени, выражая идею силы и неконтролируемости: рус. *как сумасшедший* ‘очень сильно’ с соответствующими контекстами употребления: *Хохочет как сумасшедший; Ветер дует как сумасшедший* (Ожегов 1990: 778); ср. аналогичные переносные значения прилагательных в белорусском и сербском языках: бел. *вар’яцкі* ‘характеризуемый крайней степенью проявления чего-л. (по силе, величине, напряжению)’: *вар’яцкая сіла* (ТСБЛМ: 107); бел. *шалёны* ‘большой силы и напряжения’: *шалёная скорасць* (ТСБЛМ: 753–754); серб. *луд* ‘проявляемый в исключительной степени...’, примеры в контекстах: *луда снага, луда енергија, луд ветар* и др. (РСАНУ XI: 602; РСЈ: 655). Нередко данные лексемы со значением максимальной степени выраженности признака употребляются с глаголами *любить, влюбляться* и другими словами, обозначающими проявления чувств: ср. рус. *до безумия / без ума / без памяти* ‘очень сильно, страстно, до самозабвения’ (Син.: 29); серб. *бити луд за неким (нечим); бити лудо заљубљен, лудо воleti* (РСАНУ XI: 601; фиксация в живой речи); бел. *шалёны пацалунак* (контекстуальный пример: ТСБМ V: 344).

Гораздо реже во второй части анализируемых сравнений (после союза *как, будто* и т.д.) употребляется не одна лексема, а словосочетание, описывающее некоторую ситуацию: например, русские словари, наряду с фразеологизмом у

кого-л. не все дома, фиксируют сравнительный оборот *вести себя будто у него не все дома* пренебр. '1. О чьем-л. странном, диковатом, нервно-возбужденном и не поддающемся логическому объяснению поведении. 2. О чьей-л. путаной, сбивчивой, алогичной и бессвязной речи' (Мок.: 103). Подобные обороты рассматриваются ниже.

3. Фразеологизмы-метафоры, а также сравнения с распространенной структурой содержат некоторые ситуации, сюжеты, анализ которых позволяет интерпретировать народное толкование явления безумия и причин его возникновения. Большая часть образных фразеологизмов группируется вокруг нескольких общих сюжетов, или мотивов. Данные сюжеты отражают образно-когнитивные модели, общие для трех исследуемых (а также других) языков. Интересно, что основные модели совпадают с внутренней формой самих лексем, принадлежащих к семантическому полю 'безумие' (ср. Турилова 2010). В качестве наиболее продуктивных групп фразеологизмов выделяются следующие. Во-первых, это фразеологизмы, описывающие безумие как неполноту или отсутствие ума (ср. *без-ум-ие*). Во-вторых, это обороты, в которых сумасшествие представлено как смещение, сдвиг в ментальном пространстве (ср. *с-ума-сшествие*). В-третьих, безумие описывается как поврежденность головы вследствие падения, удара и т.д. В-четвертых, безумие представлено как болезнь вследствие воздействия нечистой силы, некоторых насекомых, растений и др. Небольшие группы оборотов отражают мотив затемнения, помутнения в голове, мотив Божьего наказания и др. Привлеченный в данной работе диалектный материал включает некоторые новые конкретные образы, построенные, однако, по тем же общим моделям, что и литературные фразеологизмы.

3.1. Без-ум-ие как неполнота и потеря ума.

Нормальное ментальное состояние человека связывается с наличием разума (ума, рассудка), его полнотой, а также с нахождением человека в своем внутреннем пространстве: рус. *в полном (здравом) уме / рассудке* 'в нормальном психическом состоянии' (Млт.: 386); рус. *приходить в себя* 'обретать способность здраво размышлять' – серб. *доћи (к) себи* '1) прийти в себя; 2) взяться за ум' (РСЈ: 315); бел. *пры сваім розуме* (ФСБМ II: 274) – серб. *бити при здравој памети* 'быть нормальным' (Оташ.: 249). Безумие, неадекватное поведение, напротив, описывается через прямое указание на потерю ума или образную конкретизацию данной идеи: рус. *лишиться ума (рассудка), терять рассудок* (Млт.: 229, 474); бел. диал. *розум свінні з'елі* (Санько: 92); серб. *врана је попила некоме мозак* (Оташ.: 285).

Указанные примеры отражают идею о том, что человек рождается с внутренним, закрытым ментальным пространством. Разум, мозг при этом может образно представляться как находящееся внутри жидкое вещество (сербский пример) или как твердое вещество, корм (белорусский пример).

Еще чаще безумие интерпретируется как «неполнота», «нехватка» ума: рус. диал. *неполный умом* 'слабоумный, психически неполноценный. (Сиб.)' (Алекс.: 134). Мотив неполноты для описания психических отклонений отражен в самых различных образах. Это могут быть обобщенные картины: ср. бел. диал. *як не ўвесь* 'со странностями, словно ненормальный кто-л.' (Даніл.: 238); серб.

не бити читав ‘не быть нормальным...’ (Оташ.: 768): ср. *читав* ‘весь, целый’. Свое конкретно-образное воплощение данная тема находит в картинах неполноты быта, хозяйства или неполноты конструкции в голове, в числовых образах и некоторых других.

Идея неполноты отражена в таких оборотах, как рус. *не все дома у кого-л.* (Млт.: 83) – бел. *не ўсе дома* (ФСБМ II: 495) (нормой, соответственно, является полнота и порядок в доме); серб. *нису некоме све козе (овце) на броју* (РМС II: 720) (нормой является полнота и порядок в крестьянском хозяйстве). Следует отметить, что русское выражение *без царя в голове* также связано с идеей порядка (разум – царь), однако данный оборот обозначает не собственно безумца, а взбалмошного, глупого, неосмотрительного человека (Мокиенко 2007: 738).

Важным отличием указанных образов является и мотив движения, т.е. ухода из того места, где кто-л. должен находиться, в чем усматривается прямая параллель с утратой («уходом») разума. Восточнославянский оборот *не все дома у кого-л.*, активно употребляемый в русском, белорусском и украинском языках, входит в ряд поговорок: укр. *не всі дома – половина поїхали*; у нього не всі дома – поїхали по курай; рус. *Васька дома – Ваньки нет, Ванька дома – Васьки нет* и др. (Мокиенко 2007, 196–197).

В восточнославянских диалектах также употребляются обороты со значением сумасшедшего человека, связанные с восприятием числа *сто* как полного, «круглого» числа: рус. *девяносто девять не хватает до сотни* (Мокиенко 2007: 197); рус. диал. *один на фронте, а девяносто девять на ремонте* ‘... не все дома (Горьк. обл.)’ (Алекс.: 135); бел. диал. *дзевяноста дзевяць на фронце і адзін у (на) рамонце ў каго* (Даніл.: 59; Леп.: 28), ср. запись разговора: «Дзевяноста дзевяць – гэта палуўмянны, калі розуму ў галаве няма. – А чаму дзевяноста дзевяць? – Ну, як стопрацантова, то добра, гэто разуманы, а дзевяноста дзевяць – адзін працэнт ні хватая. Такія во задзіры» (Даніл.: 59). Диалектный материал отражает и другие «счетные» образы: рус. *кто февраль – одного дня не хватает* (Мокиенко 2007: 197); рус. диал. *до рубля семь гривен не хватает* ‘о психически ненормальном или очень ограниченном человеке (Иркут.)’ (Алекс.: 127).

Крайне продуктивными во многих языках являются образы, отражающие неполноту конструкции в голове, где отсутствует винтик, клепка, балка, доска, а также масло как смазочный элемент: рус. *винтиков (клепок) не хватает (недостает) в голове у кого* (Млт.: 504); бел. *клёпкі (клёпак) не хапае (не стае) у галаве ў каго* (ФСБМ I: 31); бел. диал. *бракуе (не хапае) адной клёпкі ў галаве (у мазгах) у каго* (Даніл.: 31); бел. *пятай клёпкі бракуе* (Санько: 64); бел. *без пятай дошчачкі; не ўсе дошчачкі ў парадку* (Санько: 78); рус. *заклёпки не хватает* – бел. *трэцяй бэлькі нестae* (РБ: 65); рус. диал. *бальки (балочки) не хватает кому* (Алекс.: 124); рус. *у него чердак без верха: одного стропильца нет* (Мокиенко 2007: 197); бел. нар. *алею ў галаве мала* (РБ: 121); бел. диал. *згубіць клёпкі* (Даніл.: 80); серб. *фали некоме даска у глави; нема све (четврте, треће) даске у глави* (РСЈ: 245); *немати све шарафе у глави* (Оташ.: 103). В народной речи в подобных образах используется гипербола: бел. нар. *не тое, што клёпкі, але і абруча няма* (Санько: 64); серб. нар. *фали му цело стовариште* (фиксация в живой речи). Соответственно значение ‘вразумить кого-л.’ от-

ражено в образах починки конструкции: рус. *вправить мозги кому-л.* (Син.: 84); бел. диал. *падкруціць клёпкі (гайкі) у галаве каму* (Даніл.: 148).

Образы неполноты распространены во многих других языках: ср., например, исп. *le falta un tornillo* (досл. «ему не хватает винтика»); нем. *nicht alle Tassen im Schrank haben* (досл. «иметь не все чашки в шкафу») и другие выражения, описывающие нехватку чего-л. в чемодане, компьютере, ящике, на рождественской елке и т.д. (Денисова 2007; Сафина 2004 и др.).

Таким образом, внутреннее ментальное пространство человека во фразеологии изображается как упорядоченное, состоящее из необходимых, подразумеваемых здесь элементов: это образы дома и его жителей, крестьянского хозяйства, закрывающихся предметов (чемодан, ящик, компьютер) и их содержимого, механизмов с их составляющими (винтик, клепка, балка, доска, а также смазка) и др.

Своеобразным образным антиподом рассматриваемой модели неполноты являются обороты, построенные по схеме «с чем»: рус. *с приветом, с прибабахом, с бзиком*, диал. *с максимумом*, а также образы «лишних» существ в голове, которые рассматриваются ниже в п. 3.3. и 3.4. Наличие противопоставления *без – с* в рассматриваемых фразеологизмах отражает представление о существовании некоторой нормы и двух видов отклонения от нее (неполнота и перевес, наличие лишнего).

3.2. С-ума-сшествие как сдвиг, смещение, отсутствие опоры.

В трех исследуемых языках, как и многих других, продуктивны обороты, описывающие сумасшествие как движение, смещение во внутреннем пространстве, выход за его пределы: рус. *сходить/сойти с ума* (Млт.: 465); рус. *сошел (спятил) с ума* (Син.: 31); рус. *спятить, тронуться умом (рассудком) / в уме (в рассудке)* (Млт.: 251); бел. *з'ехаць з глузду* (ФСБМ I: 456), бел. *крануцца з розуму* (ФСБМ I: 528); бел. *сыходзіць з розуму* (ФСБМ II: 415); серб. *сићи с ума, скренути с ума* (Оташ.: 638).

Подобные обороты отражают представления о здоровье как о стабильности человека и устойчивости его ментального пространства. Нормальное психическое состояние, самообладание и самоконтроль связывается человеком с нахождением в данном внутреннем пространстве, соответственно ментальные отклонения изображаются как выход за его пределы, утрата стабильности, опоры. Данные представления отражены и в ряде оборотов, обозначающих некоторые психоэмоциональные состояния: ср. рус. *не в себе* 'в сильном душевном расстройстве' (Млт.: 417) и рус. *в своем уме* 'в нормальном психическом состоянии' (Млт.: 493); рус. *выходить из себя* (Син.: 114); бел. *не ў сваім розуме* (ФСБМ II: 274); серб. *бити при себи; бити при здравој памети* (Оташ.: 562; 249). Согласно народным представлениям, безумный человек принадлежит не себе, а нечистой силе: ср. рус. *сам не свой* – бел. *сам не свой* – серб. *он није свој*; ср. также польск. *Już sam nie swój, połowina dijabłowa* (Леп. Этим: 339).

По словам М.В. Туриловой, исследовавшей историю развития значения лексем со значением безумия, семантический перенос 'выйти наружу – лишиться рассудка' является весьма древним: данная мотивационная модель заимствова-

на в древнерусский период через старославянский язык из греческого: ср., напр., внутреннюю форму церковнославянского *ис-ступ-ление* (Турилова 2010: 8).

Мотив движения содержит оценку ухода, отклонения от пути истинного. В.М. Мокиенко указывает, что обороты *свихнуться* (*сходить / сойти, спятить*) *с ума* первоначально обозначали 'сойти с удачного, должного пути'; *свихнуть* – свернуть с места, а выражение *сводить/свести с ума* является производным от *совертнуть с пути истинного*: в обоих оборотах имеется в виду 'отвлечь, увести от истины, от разумного' (Мокиенко 2007: 711). Ср. параллелизм оборотов: рус. *наставить на ум (розум) кого-л. и наставить на путь истинный* 'заставить кого-л. поступать более разумно, рассудительно' (Син.: 84), а также *сходить с рельсов, сбиваться с пути (дороги), идти по плохой дорожке* 'нарушив нормальный образ жизни, опускаться нравственно' (Син.: 173).

М.Л. Ковшова также связывает мотив движения с библейской символикой пути истинного, ведущего к праведной цели, указывая на отражение данных образов в книжной риторике древнерусского языка, а также в фольклоре, где ум мыслится как поверхность земли, на которой стоит человек, и соответственно опора человека: *Ум, сердце, душа – земля; благие мысли, добродетели – проросшее семя, плоды; Этот не сойдет с ума, не с чего* и др. (БФС: 87).

В данных пространственных метафорах символично употребление предлогов, обозначающих оставление места (выход), движение сверху вниз или в сторону: рус. диал. *выбыть из рассудка* (Алекс.: 126); бел. *ад розуму адысці* (Санько: 3); серб. *сићи с ума* (Оташ.: 638).

Данная модель является весьма продуктивной во многих современных языках, в частности, в сленге, причем, как правило, во фразеологизмах используются образы повреждения верхних частей сооружений или собственно движения, отделения от опоры: рус. *сдвиг по фазе, башню снесло, крыша поехала, шифер съехал, срываться с тормозов* (Син.: 114); рус. *слететь с катушек*; бел. *сыходзіць з катушак* (ФСБМ II: 416); бел. *сыходзіць з поля* (ФСБМ II: 415); бел. *з рэха з'ехаў* (Боярина: 91); бел. диал. *з тармазу зняцця* (Даніл.: 88); бел. диал. *па полі пабегчы* (Даніл.: 170); серб. *скренути памећу (с ума)* (РСЈ: 1233), серб. *сићи с ума* (Оташ.: 638); ср. также переносные значения самих лексем: серб. *откачити* (досл. «отцепить, отвязать») 'начать вести себя необычно, странно, эксцентрично' (РСЈ: 897); серб. жарг. *одлепити* (досл. «отклеить»); *скренути* («свернуть»). Подобные образы имеют прозрачную мотивированность и в других языках: исп. *está mal de la azotea* (досл. «у него (нее) плохо с террасой на верхнем этаже»), нем. *einen Dachschaden haben* (досл. «у кого-л. крыша повредилась») и т.д. Данные обороты содержат указание на физическое положение головы по отношению к остальному телу, а также в некотором смысле на главную («верхнюю») роль ума в сохранении стабильного ментального и психического состояния человека.

Картина сдвига как отклонения от нормы соответствует и образность русского фразеологизма *мозги набекрень* (Млт.: 251): человек, у которого мозги сдвинуты, перекошены, считается ненормальным. Само слово *набекрень*, по словам В.М. Мокиенко, или заимствовано из жаргона моряков (ср. голландское **bekgenen* 'склонять в сторону') или является собственно русским (ср. диал.

бекрень ‘бок’), т.е. речь шла о головном уборе, надетым набок (Мокиенко 2007: 441–443).

Соответственно значение ‘образумить кого-л.’ передается оборотами, содержащими картины возврата на место (ср. образы починки конструкции, рассмотренные в п. 3.1.): рус. *вправить мозги кому-л.* (*вправить* употребляется по отношению к конечностям, означая ‘вставить на место’); бел. диал. *падкруціць клёпкі (гайкі) у галаве каму* (Даніл.: 149).

Мотив движения, или «ухода» ума из головы, имплицитно присутствует в образах поврежденных конструкций, уподобляемых по форме голове, которые рассматриваются в п. 3.3: рус. жарг. *фляга свистит, чан течет*, а также в звукоподражательных словах и оборотах, передающих высокий звук, ассоциируемый с быстрым «уходом». Так, серб. *фијук* «свист», *фијукнути* «просвистеть» в жаргоне используется для обозначения ненормальности; с тем же значением употребляется рус. *ку-ку* (о ком-л.).

3.3. Безумие как отсутствие целостности вследствие удара, падения, трещины и т.д.

Внутреннее ментальное пространство человека в норме является закрытым (что отразили и примеры первой модели, рассмотренной в п. 3.1.), а также целостным. В связи с этим различные ментальные отклонения образно объясняются падением, ударом, трещиной и т.д., вызывающими поврежденность головы, нарушение целостности. Эта модель продуктивна как в лексике (ср. рус. разг. *чокнутый, травмированный*, серб. жарг. *ошинут* – от *ошинути* «хлестнуть, стегнуть, ударить»; *чукнут* «ударенный» и др.), так и во фразеологии: рус. (*как будто*) *пыльным мешком (из-за угла) ударенный (стукнутый, прибитый, явоченный)* (Син.: 217), ср. также рус. *вышибить ум, ум (мозги) отшибло*; бел. *як (нібы) пыльным мешком (мехам) удараны (прыбіты)* (ФСБМ II: 477); серб. *ударен мокром кром / чарапом (по глави)* (Оташ.: 385); *добити врећом (наком) по глави* (Оташ.: 103).

Некоторые уже упомянутые жаргонные обороты отражают поврежденность предметов круглой формы, уподобляемых голове: рус. жарг. *фляга свистит, чан течет*. В сербском языке подобные образы используются для обозначения последствий крайне напряженного психического состояния, ср.: серб. разг. *пући као сјјалица* «лопнуть как лампочка», *пући као тиква (лубеница)* «лопнуть как тыква (арбуз)», *пући као балон* «лопнуть как шарик»; *пукао му је филм* «у него порвалась пленка» ‘разнервничался, потерял терпение и контроль’ (Оташ.: 591). (с эти значением употребляется и сама лексема *пући* «лопнуть» в сербском жаргоне: *пукао*).

В рамках данной модели интересно рассмотреть русское выражение *с прибабахом*: данный шутивно-ироничный оборот из молодежного жаргона со значением ‘о человеке со странностями, чудаке’ включается в упомянутую выше группу оборотов с предлогом *с* (*с приветом, с бзиком, со странностями, с отклонениями, с придурью, с причудами* и др.). По словам В.М. Мокиенко, «коннотация ущербности создается представлением об ударе, которое вызывается звукоподражательным корнем *бабах*; о легкой степени ущербности – префиксом *при-...*» (Мокиенко 2007: 572; ср. также Ермакова 1999: 200).

Мотив падения с высоты и удара, вызывающего повреждение головы, также используется в ряде фразеологизмов, обозначающих наивного, странного или неразумного человека: бел. диал. з *вышак ўпаў* (Даніл.: 79), з *галанкі ляснуцца* (бел. диал. *галанка* – голландка – голландская печь) (Даніл.: 79), з *быка спаў* (Леп.: 34) и др. Подобные обороты необходимо отличать от обозначений собственно безумия. Так, например, следует подчеркнуть различия в значении выражений, описывающих падение с дерева: ср., с одной стороны, рус. *с дуба рухнуть* ‘сойти с ума, рехнуться, сделать глупость’ и аналогичное бел. диал. з *дуба ляснуў* (Даніл.: 80) и, с другой стороны, серб. *нисам пао с крушке* (досл. «я с груши не упал») ‘я не дурак, не наивный’ или исп. *caer del quindo* (досл. «упасть с вишни») ‘быть наивным’, которым примерно соответствует русское выражение *не вчера родился*. Аналогичным образом выражения рус. *как с Луны свалился* – серб. *као да је пао с Марса* (СРЈ: 681) обозначают человека, не знающего или не понимающего очевидных вещей, известных окружающим.

3.4. Безумие как болезнь; наличие посторонних существ в голове.

Безумие, по данным фразеологии, нередко представляется как болезнь, чаще всего вызванная нечистой силой, насекомыми или другими существами.

Безумие, одержимость, отсутствие самоконтроля издавна связывалась человеком с воздействием злых духов, порчей, сглазом: ср. рус. *как бес (дьявол) вселился в кого-л.* (Мок.: 30, 113); серб. *ђаво је ушао некоме у главу, ушао ђаво некоме под кожу* (Оташ.: 210; 212). Ср. также архаичное сербское выражение из словаря Вука Караджича *бити алосан* (от *ала* ‘ала, змей’) ‘сумасшедший, у которого алы забрали ум и здоровье’ (Мршевић-Радовић 2008: 108). Тема болезни отражена и в некоторых других устаревших выражениях: серб. *бити болестан од духа* ‘иметь ментальное заболевание, быть душевнобольным’ (Оташ.: 55); *обоleti духом* (Оташ.: 199).

По народным представлениям, духи вселялись в тело человека нередко под видом насекомых и вызывали болезни и психические расстройства. Это оставило свой след во фразеологии многих языков. В.М. Мокиенко пишет, что у многих народов, в том числе у славян, существовали суеверные представления о том, что «в мух, слепней, жуков и других насекомых мог оборачиваться дьявол. Проникая в рот, нос, ухо или укусив человека, он делал его бесноватым, заставляя его выходить из себя или капризничать: ср. ... *с мухами в носу, мухи в голове у кого* ‘о странном, глупом, легкомысленном человеке’, *под мухой* ‘о человеке в состоянии небольшого опьянения’ (первоначально – *с мухой в голове*); *бзык нашел на кого* ‘о странном, чудаковатом настроении у кого-л.’ (*бзык* – диал. ‘овод, слепень’)» (Мокиенко 2007: 455; ср. также Гура 1997: 441–442). Подобные выражения известны многим европейским языкам: нем. *Grillen im Kopf haben* (букв. «иметь сверчков в голове») ‘иметь причуды, быть чудаковатым, странным’ (Мокиенко 2007: 455) и т.д.

А.В. Гура пишет о «мушиной символике человеческой души», порождающей «целый спектр психических характеристик» (Гура 1996: 441; см. также Терновская 1981). Образы мухи и других насекомых, нападающих на человека или находящихся в его голове, ухе и т.п., весьма популярны в славянской фразеологии. Они обозначают различные психические состояния и черты характере-

ра: рус. *какая муха укусила кого* ‘кто-л. раздражен, потерял контроль, самообладание...’ (Син.: 180) – бел. *якая муха ўкусіла каго* (ФСБМ II: 48); бел. *з мухамі ў носе* (ФСБМ II: 49) и бел. диал. *мухі ў ноздрах у каго* ‘упрямый, капризный, норовистый’ (Даніл.: 115), бел. диал. *мухі з носа выкінуць* ‘перестать злиться, капризничать’ (Даніл.: 115); серб. *имати мушице (бубице) у глави* ‘быть упрямым, капризным’ (Оташ.: 66). В целом, подобные фразеологизмы включаются в общую систему устойчивых семантических переносов ‘насекомое → ощущение’ в лексике и во фразеологии: рус. *мурашки бегают по коже у кого-л.* – серб. *подилазе некога мравци* ‘мурашки бегают по теле у кого-л.’ (Мтš.: 353), бел. *матылі ў вачах* ‘помутнение, рябь в глазах’ (ТСБМ III: 123) и др.

В связи с этим обороты, обозначающие при помощи образов насекомых странного или сумасшедшего человека, особенности его поведения, весьма распространены в исследуемых языках: рус. *с тараканами (в голове)*; бел. диал. *мазгі хрушчы выелі каму* досл. «мозги хрущи (жуки) выели у кого-л.» (Даніл.: 111); бел. диал. *гіз напаў на каго* досл. «слепень напал на кого-л.» (Даніл.: 149); серб. *буба у глави* досл. «букашка в голове» ‘странная, сумасшедшая мысль’ (РМС I: 291). Соответственно значение ‘образумить кого-л.’ передается оборотами бел. *выгнаць матыліцу з каго* (Мілач: 80); бел. *мухі выгнаць* (Боярина: 38); серб. *истерати мушице из главе* (Оташ.: 67).

В современном сленге, в диалектном материале данная тема расширяется – фразеологизмы отражают образы различных посторонних существ и предметов, нарушающих нормальный порядок в голове: рус. диал. *максим в голове у кого* ‘о человеке чудаковатом, со странностями. (Олонецкая губерния)’ (Алекс.: 126); рус. диал. *с максимумом (с максимумцем, максимумком)* ‘о ком-л. придурковатом, умственно неполноценном. (Сиб.)’ (Алекс.: 137); рус. диал. *в голове пещу накладено у кого* (Алекс.: 126); бел. диал. *каўтун у галаве* ‘кто-л. придурковатый, со странностями’ (Даніл.: 100) (данный пример также выражает идею путаницы, запутанности); серб. *није сам у глави*, серб. *има подстанаре у глави* (фиксация в живой речи).

Отдельные выражения с образами «лишних» существ и предметов в голове прежде всего передают значение несерьезности, легкомысленности, а не безумия: бел. диал. *феі ў галаве гаспадараць у каго*, бел. диал. *фіёлкі ў галаве цвітуць, скачуць у каго* (ср. польск. *fiolka* ‘фиалка’, ‘странность, причуда’ (Даніл.: 192)). Эту идею также выражает образ ветра в голове в восточнославянской фразеологии. Интересна и образность сербского выражения *имати дивљи (луд) ветар у глави* досл. «иметь дикий (сумасшедший) ветер в голове» ‘сердиться, обезуметь от гнева’, в котором Д. Мршевич-Радович выявляет несколько смысловых слоев: сама лексема *ветар* выражает идею беспокойства (явление сильного ветра объективно влияет на психику людей); оборот содержит древние представления о том, что сильным ветром управляют демоны, встреча с которыми губительна для здоровья людей: ср. *ударити у смућене (махните, помамне) ветрове* досл. «попасть в безумный ветер» ‘сойти с ума’ (Мршевић-Радовић 2008: 107–108).

Говоря об отражении древних суеверий о порче как причине душевного расстройства, следует отметить и одну из гипотез происхождения выражения *с приветом*: по мнению М. Туриловой, этот оборот «означает ‘тот, кого приве-

тили, т.е. оговорили» и реализует модель «заколдованный, порченный» → «потерявший рассудок» (Турилова 2010: 20).

Современное восприятие сумасшествия связано с активным использованием темы болезни, нарушений в голове: рус. *больной на голову* – бел. диал. *хворы на галаву* (Даніл.: 119). Тема болезни в живой речи нередко обыгрывается при помощи юмора: бел. *з галавой не дружыць* (Даніл.: 79); ср. также каламбур: рус. *ума палата, да палата № 6* (Мокиенко 2007: 711), в котором оборот *ума палата* «умный человек» сочетается с выражением *палата № 6* «палата для душевнобольных», по названию одноименной повести А.П. Чехова. В современном жаргоне также распространены обозначения странных людей по принадлежности к месту, где находится больница для душевнобольных: бел. диал. *з Бялявичаў уцёк, з Мэштавіч уцёк* (Даніл.: 100): бел. *Бялявічы, Мэштавічы* – названия деревень, где размещены психиатрические больницы; или выражение из белградского жаргона: (*неко је*) *из Палмотићеве* (на данной улице находится соответствующее учреждение).

Отдельная группа фразеологизмов отражает известное воздействие ядовитых растений на психику человека: рус. *белены объелся* «обезумел, одурел» (Млт.: 203); бел. *блэкату наеўся (аб'еўся)* (ФСБМ II: 69); бел. *дурнап'яну наеўся (з'еў)* (ТСБЛМ: 62); бел. диал. *шаленцу наесціся* (Даніл.: 205); бел. диал. *(гаварыць) як дурніцаў з'еўшы* (Даніл.: 220; Пар.: 141); бел. диал. *трэліць як дурнап'яну з'еўшы* (Пар.: 141); серб. *најести се бунике* (Оташ.: 68); серб. *најести се лудих гљива* (Оташ.: 116).

Фразеологизмы, образованные по модели «наестся + растения, обладающе-го наркотическим галлюциногенным действием = быть психически ненормальным, безумным», В.М. Мокиенко связывает «с одним из этапов юношеских возрастных инициаций славян, в которых важным моментом было вступление в контакт с духами предков и с миром богов» (Мокиенко 2007: 47). По словам ученого, «фразеологизмы данной модели известны в большинстве славянских языков, в них варьируется 14 видов растений-галлюциногенов. Первичными, а значит и наиболее древними следует признать фразеологизмы, включающие названия белены, беладонны и мухамора. Видимо, именно эти растения употреблялись славянами во время юношеских инициаций» (Мокиенко 2007: 47).

3.5. Безумие как Божье наказание.

Безумие в некоторых фразеологизмах интерпретируется как следствие Божьего наказания: рус. *Богом убитый* «со странностями, с причудами, придурковатый» (Син.: 217); бел. диал. *Бог розум адабраў у каго* (Даніл.: 30); серб. *Бог га је казнио*. В основе данных образов лежат представления о том, что ум – от Бога, это духовная ипостась человека, что М.Л. Ковшова иллюстрирует на примере отрывков из религиозных текстов: «От чего у нас ум-разум: От чего наши помыслы? <...> У нас ум-разум самого Христа, наши помыслы от облац небесных» (БФС: 684). Ср. также известное изречение, восходящее к области эллинистической мудрости: *Кого Бог хочет погубить, того он лишает разума*.

3.6. Безумие как помутнение, затемнение ума.

Ряд фразеологизмов описывает безумие (или временную неспособность рассуждать, мыслить здраво) как помутнение, затемнение ума, отсутствие

ясности, отражая древнюю оппозицию свет – тьма: рус. *помутиться умом* (*разумом*), *затмение в уме*; бел. диал. *замарока галавы* ‘состояние, при котором трудно разумно рассуждать’ (ср. также рус. *морочить голову кому-л.*); серб. *помрачити умом* (Оташ.: 524). Выражения рус. *светлая голова* – бел. *светлая галава*, а также сербск. *бистра глава* (досл. «прозрачная»), напротив, характеризуют разумного и смышленного человека.

В современном сербском жаргоне распространено использование слов со значением ‘мрак’, а также ‘хаос’, ‘сумасшедший’, ‘ужас’ в том числе для положительной оценки явлений, что служит своего рода эпатированием общества с традиционными представлениями и нормами: ср. серб. *луда ствар* ‘отличная вещь’, *тотално лудило* или *опити хаос* ‘исключительно’ (Petrit: 205, 227) и мн. др. (ср. также Драгићевић 2007: 270).

4. Многие из рассмотренных оборотов имеют параллели в числе выражений со значением глупости, поскольку глупое поведение логично оценивается как следствие утраты разума. На это указывает и широкая взаимозаменяемость лексем со значением ‘сумасшедший’ и ‘дурак’ во фразеологии и паремиологии, антонимичность данных лексем с компонентами пословиц со значением ‘умный’, а также межъязыковые параллели. Ср. рус. *бежать как безумный – бегать (носиться) как дурак* – бел. *бегаць як шалёны* – бел. *бегаць як дурны* (*дурань*) – серб. *јурити као луд*; бел. *рабіць як дурны* – серб. *радити као луд*; бел. *смэяцца як дурны з сыру* (Пар.: 140) – серб. *смејати се као луд на брашно* (Оташ.: 358); бел. *Абяцанкі цацанкі, а дурню радасць* – серб. *Обећање лудом радовање*. В сербских пословицах лексема *луд* чаще всего употребляется в значении ‘глупый’, о чем свидетельствует большое число единиц: *Чега се паметан стиди, тиме се луд поноси*; *У срећу се узда луд, а паметан у свој труд*; *Боље бити мало луд него мало паметан*; *Луд говори шта мисли, паметан мисли шта говори*; *Луд памти, паметан записује* и т.д. В русских и белорусских пословицах в подобных случаях чаще всего употребляются лексемы рус. *дурак, дурень* – бел. *дурны, дурань*. Таким образом, во фразеологии и паремиологии наблюдаются две оппозиции: сумасшедший (безумный) – нормальный и сумасшедший (безумный) / дурак – умный (бел. *вар’ят (шалёны) – нармальны, вар’ят (шалёны) / дурны, дурань – разумны*; серб. *луд – нормалан, луд – паметан*). Содержание понятия безумия в пословицах и поговорках может послужить темой дальнейших исследований.

5. Таким образом, по данным фразеологии, человек рождается с внутренним пространством ума, которое в норме является замкнутым, стабильным, полным, целостным и неповрежденным. Нарушение одного из данных параметров указывает на психические отклонения. Внутреннее пространство строго упорядочено, отсюда безумие может изображаться как неполнота содержимого или перевес, наличие лишнего.

Разум, по данным фразеологии, является данным Богом, опорой человека, играя главенствующую роль в его адекватном поведении. Ментальное здоровье человека выражается в здравомыслии, рациональности и уместности поведения, самоконтроле (отсюда устойчивые сравнения со значением безумия содержат, как правило, идею неконтролируемости действий).

Наиболее продуктивные образные модели русских, белорусских и сербских фразеологизмов со значением безумия описывают данное явление как утрату или неполноту ума, как потерю опоры и смещение в ментальном пространстве, как поврежденность вследствие падения, удара и т.д., а также как болезнь вследствие внешнего воздействия (нечистой силы, насекомых, растений и др.). Реже данные обороты отражают мотив затемнения в голове или идею Божьего наказания. Каждая модель находит свое оригинальное конкретно-образное воплощение (образы поврежденных конструкций, насекомых в голове и т.д.).

Лингвокультурогическая интерпретация позволила выявить в каждой группе фразеологизмов архаичные представления об устройстве мира, связь образов с древними обычаями и поверьями, а также наличие христианской и другой символики.

В исследуемых языках представлены общие образные модели и образы. Наблюдается параллелизм продуктивных моделей с внутренней формой самих лексем, обозначающих безумие и сумасшествие. Имеются схожие образы с различиями в значении в одном или нескольких рассматриваемых языках (безумие или вспыльчивость, наивность, легкомыслие).

Диалектный материал содержит ряд новых конкретных образов (например, так наз. «счетные» образы неполноты), построенные, однако, по общим образным моделям. Современные жаргонизмы также, как правило, включаются в общие модели, однако в жаргоне могут использоваться семантические переносы противоположной направленности – обозначения сумасшествия, мрака, хаоса и т.д. с положительной коннотацией. Для современных оборотов со значением безумия также характерно повышенное обращение к теме болезни и использование юмора и иронии.

ИСТОЧНИКИ И ИХ УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Алекс.: Алексеенко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. (2004), *Человек в русской диалектной фразеологии*: Словарь (Москва: ООО «Технологии»).
- Боярина: Боярина Е. Л., Сивчиков В. Н. (2014), *2000 русских и 2000 белорусских идиом, фразеологизмов и устойчивых словосочетаний*: Словарь с пояснениями и примерами использования (Минск: Попурри), 2006. БФС: Телия, Вероника Н. (отв. ред.), *Большой фразеологический словарь русского языка* (Москва: Аст-пресс книга).
- Даніл.: Даніловіч М. А. (2000), *Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны* (Гродна: ГрДУ).
- Лпш.: Лепешаў І. Я. (1991), *3 народнай фразеалогіі*: Дыферэнцыяльны слоўнік (Мінск: Вышэйшая школа).
- Леп.Этим: Лепешаў І. Я. (2004), *Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў* (Мінск: Беларуская энцыклапедыя).
- Млт.: Молотков А. И. (1986), *Фразеологический словарь русского языка* (Москва: Русский язык).
- Мок.: Мокиенко В. М. (2003), *Словарь сравнений русского языка* (Санкт-Петербург: Норинт).
- Ожегов С. И. (1990), *Словарь русского языка* (Москва: Русский язык).

- Оташ.: Оташевић Ђ. (2007), *Мали фразеолошки речник* (Београд: Алма).
- Пар.: Валодзіна Т. В., Салавей Л. М. (2011), *Слоўнік беларускіх народных параўнанняў* (Мінск: Беларуская навука).
- Разг.: Стојичић Ђ. (1994), *Сјај разговора: Лексикон српских изрека* (Горњи Милановац – Београд: Дечје новине – Завод за издавање уџбеника).
- РБ: Киселев И. А. (1991), *Русско-белорусский фразеологический словарь* (Минск: Народная асвета).
- РМС: *Речник савременог српскохрватског књижевног језика* (Нови Сад – Загреб: Матица Српска – Матица Хрватска), 1967–1976, Т. 1–6.
- РСАНУ: *Речник српскохрватског књижевног и народног језика* (Београд: Српска академија наука и уметности), 1959– [издание продолжается].
- Санько: Санько З. (1991), *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем* (Мінск: Навука і тэхніка).
- Син.: Жуков В. П. (ред.), (1987). *Словарь фразеологических синонимов русского языка* (Москва).
- ТСБМ: *Глумачальны слоўнік беларускай мовы* (Мінск: Беларуская энцыклапедыя), 1977–1984, Т. 1–5.
- ТСБЛМ: *Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы* (Мінск: Беларуская энцыклапедыя), 1999.
- ФСБМ: Лепешаў І. Я. (1993), *Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы* (Мінск: Беларуская энцыклапедыя), Т. 1–2.
- Янк.: Янкоўскі Ф. М. (1973), *Беларускія народныя параўнанні: Кароткі слоўнік* (Мінск: Вышэйшая школа).
- Petrit I. (2000), *Beogradski frajerski rečnik* (Beograd: NNK International).
- Menac: Menac A. (ured.) (1979–1980), *Rusko-hrvatski ili srpski frazeološki rječnik* (Zagreb: Školska knjiga), Sv. 1–2.
- Miš.: Matešić J. (1982), *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika* (Zagreb: Školska knjiga).

ЛИТЕРАТУРА

- Голяк С. В. (2015), «Номо sapiens и „человек неразумный“ в образах славянской фразеологии», в: *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII конгресса МАПРЯЛ, Том 6* (Санкт-Петербург), 151–156.
- Голяк С. В. (2016), «Русская фразеология как иностранная/инославянская: лингвокультурологический аспект», в: *Русский язык за рубежом*, 6, 67–72.
- Гура А. В (1997), *Символика животных в славянской культурной традиции* (Москва: Индрик).
- Денисова А. П. (2007), *Современный испанский жаргон* (Москва: Изд-во РУДН).
- Драгићевић Р. (2007), *Лексикологија српског језика* (Београд: Завод за уџбенике).
- Ермакова О. П. (2003), «Концепт „безумие“ с точки зрения языка», в: Арутюнова Н.Д. (ред.), *Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка* (Москва), 108–116.
- Зализняк А. А. (1999), «Метафора движения в концептуализации интеллектуальной деятельности», в: Арутюнова Н.Д. (ред.), *Логический анализ языка. Языки динамического мира* (Дубна), 312–320.

- Мокиенко В. М., Бирих А. К., Степанова Л. И. (2007), *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь* (СПбГУ – Москва: Астрель: АСТ: Хранитель).
- Мршевић-Радовић Д. (2008), *Фразеологија и национална култура* (Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије (Чигоја штампа)).
- Опарина Е. О. (1999), «Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия», в: *Язык и культура* (Москва: ИНИОН РАН), 27–48.
- Плунгян В. А., Рахилина Е. В. (1993), «Безумие как лексикографическая проблема (к анализу прилагательных безумный и сумасшедший)», в: Арутюнова Н.Д. (ред.), *Логический анализ языка. Ментальные действия* (Москва: Наука), 120–126.
- Сафина Р. А. (2004), «Образность фразеологизмов, выражающих умственные способности человека, в немецком и русском языках», в: *Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета: Труды и материалы* (Казань: Изд-во Казан. ун-та), 86–87.
- Терновская О. А. (1981), «К описанию славянских представлений, связанных с насекомыми. Одна система ритуалов изведения домашних животных», в: *Славянский и балканский фольклор: Обрядовый текст* (Москва: Наука), 139–158.
- Турилова М. В. (2010), *Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля «безумие» в русском языке*. Автореф... канд. филол. наук (Москва: МГУ).

Светлана Гољак

СЛИКОВИТА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЈА БЕЗУМЉА У РУСКОМ, БЕЛОРУСКОМ И СРПСКОМ ЈЕЗИКУ

Резиме

У раду су анализирана руска, белоруска и српска устаљена поређења, као и фразеологизми-метафоре који описују лудак, ментално оболеле људе и њихово понашање. Истражују се како књижевни фразеологизми, тако и дијалектска грађа и савремени жаргон. Утврђени су продуктивни сликовити модели који су слични у три разматрана језика. Ментални простор човека у норми се представља као затворен, стабилан, потпун, организован и целовит. Стога се безумље у фразеологији сликовито описује као губитак или „непуноћа“ разума, као скретање и померање у унутрашњем простору, као последица удараца или пада, као болест и Божија казна. Лингвокултуролошка анализа је показала повезаност истражених израза са архајичним веровањима у народној слици света.

CIP – Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

811.16+821.16

СЛАВИСТИКА / главни уредник Људмила Поповић. – 1997, књ. 1.–
– Београд : Славистичко друштво Србије, 1997– (Севојно :
Графичар). – 24 cm

Годишње
ISSN 1450-5061 = Славистика (Београд)
COBISS.SR-ID 130380039

9 771450 506008